

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82:1

М. В. Гесс

Новосибирский государственный университет

Персонажная система в рассказе Н. С. Лескова «Зимний день»: художественно-антропологический аспект

Предметом статьи является художественно-антропологическая структура образов персонажей рассказа Н. С. Лескова «Зимний день». Художественно-антропологические универсалии рассудка, ума и души организуют систему персонажей рассказа, подразделяя их на две противопоставленные группы. С названными тремя универсалиями связаны концепты знания – неведения и ясности зрения – слепоты, раскрывающиеся в мотивной структуре рассказа. Главным художественно-антропологическим параметром персонажа у Лескова является душа, поэтому важную роль играют связанные с ней понятия сердечности, сострадания, любви к ближнему и служения всеобщему благу. Реализация душевности персонажа, как полагает автор рассказа, возможна при соблюдении следующих условий: необходимо, во-первых, наличие созидательного, демиургического начала в человеке, а во-вторых – обращенность интенций души вовне, в окружающий мир, направленность на творческое преобразование действительности.

Ключевые слова: художественная антропология, система персонажей, образ человека, «праведник».

Рассказ Н. С. Лескова «Зимний день» (1894) ярко репрезентирует художественно-антропологическую парадигму, сложившуюся в позднем творчестве писателя. Каждый из основных образов произведения: хозяйка, гостя, Лидия Павловна, Захар Семёныч, Валериан, Федора – так или иначе характеризуется в художественно-антропологических параметрах чувства, души, духа, ума, рассудка и тела.

Первый эпиграф к рассказу вводит мотив ночи / тьмы: *«Днем они сретают тьму и в полдень ходят ощупью, как ночью. Иова, V, 14»*. Вступая в семантические связи с названием рассказа, он задает развернутое впоследствии противопоставление дня и ночи, тьмы и света, а также вытекающие отсюда мотивные дубли-

Гесс Марина Викторовна – аспирант гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия; gess.marina@gmail.com)

Сибирский филологический журнал. 2015. № 2
© М. В. Гесс, 2015

ты слепоты («ходят ощупью») и ясности зрения, неведения и знания¹. Первая пара мотивов связана со сферой чувств, вторая – со сферой ума и рассудка.

Мотив тьмы актуализируется в первом абзаце рассказа, причем в качестве проводника «неясного видения»: *«Рассвет не успел оглядеться, и опять смеркается»* [Лесков, 1989, с. 3]². Отметим, что «оптическая» характеристика персонажа играет важную роль в произведении. Так, о хозяйке говорится, что она *«зрела когда-то лучшие дни и не потеряла еще надежды их вернуть»* (с. 3); в разговоре она замечает, что *«на русский народ очень хорошо смотреть издали»* (с. 10).

Ослабление «зрения», в свою очередь, активизирует слух – хозяйка и ее гостя то и дело делятся «услышанным», т. е. слухами, сплетнями и анекдотами. В их разговорах мы найдем множество конструкций с «опосредующим адресантом»: *«гостя сообщает хозяйке о том... что “говорят”»* (с. 4), *«говорили, что Олимпия будто это и знала»* (с. 5), *«да об этом говорили... и, говорят, это правда»* (с. 9), *«да, это все говорят, и он такой искательный»* (с. 10), *«я помню: это смешно рассказывали»* (с. 11) и др. В чужих разговорах, в которых субъектом речи выступают «все» или «многие», снимается проблема рефлексии как таковая. Здесь нет осмысляющего субъекта, это взгляд, скользящий по поверхности. Это не-видение (и следовательно, неведение). Доверие чужому мнению порождает ложные оценки: *«Во всех глазах Олимпия – величина очень большая, и все ей верят»* (с. 4).

В аспекте слуха / глухоты эпизод с «переименованием» прислуги Федоры в более «благозвучную» Катерину раскрывается не только в этическом, но и в художественно-антропологическом смысле. Хозяйка, взяв девушку в камеристки, «отнимает» у нее имя, сочтя его звучание весьма неуместным в «благородном» доме: *«Моя милая, мне твое имя не нравится... я буду звать тебя Катею»* (с. 13). Вспомним, что имя Федора означает «дар Божий» [Петровский, 1966, с. 214–215]. Следовательно, в этическом прочтении эта ситуация может трактоваться как отрицание хозяйкой сущности человека как «дара Божьего», а в художественно-антропологическом – как неспособность либо отказ слышать, «знать» (в данном случае – постичь благозвучие). Слух и глухота, так же как зрение и слепота, принадлежат к сфере чувств, поэтому в этой сфере безымянная хозяйка обозначается отрицательными качествами³.

С мотивами зрения и слуха связана существенная для этической составляющей антропологической поэтики Лескова тема знания. Наблюдение и слушание, т. е. чувственный опыт человека, – базис процесса познания мира [Бессонов, 2010, с. 110].

Знание, рожденное из «взгляда общества» и слухов, мы относим к рассудочному, так как именно рассудок тесно связан с ориентацией на общественное мнение, здравый смысл, а также с функционированием человека в обществе (см. об этом: [Синякова, 2014, с. 172]). Хозяйка, как и ее гостя, обладает и оперирует знанием рассудка.

Однако тема знания в рассказе раскрывается также в других художественно-антропологических измерениях: ума и души. Первое из них, ум, занимает чрезвычайно важное место в структуре образа Лидии Павловны, *«племянницы-фельдшерицы, которая идет наперекор общественным традициям»* (с. 6). Лидия учится на медицинских курсах, она образованна и начитанна. Этот персонаж метафорически сравнивается со змеей, символом мудрости [Трессидер, 1999, с. 119]

¹ Мотивные группы свет / тьма и зрение / слепота / прозрение – неотъемлемая принадлежность христианского культурного поля. Подробнее об этом: [Непомнящих, 2008].

² Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

³ Отсутствие имени у хозяйки, на наш взгляд, симптоматично, поскольку подчеркивает ее полную безликость, личностную неопределенность.

(с. 21), а также с древнеримской богиней Дианой (с. 17, 23). Заметим, что происхождение латинского имени Диана связывается со словом «dīus», «божественный», которое, в свою очередь, восходит к праиндоевропейскому *dei-u-o- со значением «бог ясного неба» [De Vaan, 2008, p. 167–168]. Это заставляет вспомнить мотивы, заданные в названии и эпиграфе рассказа: ясность коннотирует свет, ясность зрения и знание.

Знание Лидии – научное, знание ума. Показателен ее диалог с теткой по поводу реплики о том, что мыло делают «из мясного сока»: «– Ну как вам это не стыдно говорить такие вздоры? – А что такое? – Из мяса мыла не варят... есть яичное мыло, которое вы и покупаете. – Ах, правда, правда! Точно, есть яичное мыло. <...> Долго покупала и очень им мылась, но с тех пор, когда был шах персидский и я узнала (здесь и далее выделено нами. – М. Г.), что он этим мылом себе ноги моет, мне стало неприятно, и я его больше не покупаю. – Охота была вам об этом и знать!» (с. 13). Слова старшей собеседницы – «я узнала» – означают знание рассудка, основанное на слухах. Поэтому нет никакого парадокса в том, что Лидия, крайне высоко ценящая ум и образованность, досадливо отвечает: «Охота была вам об этом и знать!», ведь она отрицает именно «общие места», коллективное мнение, истоки которого находятся в рассудочном знании.

При этом, считает Лидия, ум ценен не сам по себе, а как средство служения людям (с. 17, 31). Любовь к ближнему, сердечность, сострадание принадлежат топике «души». Поэтому душа в структуре образа девушки превалирует над умом, занимая в ее художественно-антропологическом составе главное место.

Благодаря приоритету души в образе Лидии мы относим ее к творчески-активным личностям, идеалу человека Лескова, и включаем ее в группу лесковских «праведников»⁴. Многие исследователи отмечали подвиг служения людям как основную черту этого типа персонажей⁵. В образе «праведника» даже сфера ума и разумного знания проецируется в область души.

Мы уже отмечали, что знание в рассказе «Зимний день» раскрывается не только в качестве функций рассудка и ума, но и, прежде всего, в качестве свойства души, ее способности различать добро и зло. «Душевым знанием» обладает Федора, которая живет по совести (с. 14), содержит детей легкомысленной сестры (с. 22) и отказывается лгать в чем бы то ни было, чем злит хозяйку, вступающую с ней в «поединок» знаний: «...я прежде хотела **знать**, что можно от таких людей ждать, я ее **пощупала**. <...> Я спросила ее так: "...если бы при тебе в доме случилось что-нибудь такое, что должно быть тайной, что от всех надо скрыть, стало быть, ты и тогда не согласилась бы покрыть чей-нибудь стыд или грех?" Она сконфузилась и стала лепетать: "**Я об этом еще не думала... Я не знаю!**"» (с. 18). Хозяйкино «знать», как и в приведенном выше примере, подразумевает знание рассудочное, недостоверное. На это указывает и глагол «пощупала», отсылающий к эпиграфу: «щупать» во тьме, а не «видеть». Федора теряется перед логикой рассудка, она человек души и руководствуется совестью. Зато ей доступно интуитивно постигаемое знание, открывающееся душе как озарение. Знание души – стихийное, невербализованное, деятельное, направленное на помощь ближним и самосовершенствование.

В ситуации «испытания» Федоры хозяйка предстает как персонаж с нивелированной душевностью. По-видимому, она не лишена некоторых зачатков порядочности, однако заглушает их в себе. Например, когда ей предстоит обхитрить племянницу в дележе наследства Луки Семёныча, она впадает в кратковременное

⁴ Проблема «праведничества» в художественной концепции Н. С. Лескова многократно становилась предметом научного изучения. См., в частности: [Тюхова, 1993; Курляндская, 1996; Горелов, 1988; Хализев, Майорова, 1983].

⁵ См. об этом: [Коньшев, 1988, с. 125; Гунн, 1990, с. 16; Видуэцкая, 1978, с. 158].

замешательство, но тут же вспоминает о религии, которая «оправдает» ее поступок: *«она опять покрутила бумажку и шепнула: – Не знаю... дайте подумать. Я спрошу батюшку»* (с. 27). В другом эпизоде хозяйку и ее сына Валериана отвлекает от подобия мук совести шум религиозной процессии на улице (с. 43–44). На самом же деле оба эти персонажа бездуховны и бездушны.

Валериан, как и мать, человек рассудка. Он состоит в греховной связи сразу с двумя женщинами: замужней гостьей и горничной матери, причем интригу с немолодой гостьей он заводит исключительно ради выгоды. Он гордится своей хитростью и ловкостью: *«О, я знаю, что надо в жизни!»* (с. 43). Его знание рассудочно, подобно знанию его матери. Отвечая удивленной хозяйке, откуда он знает точное место цитаты из Второго Послания апостола Павла к коринфянам, Валериан отвечает: *«Га! интересуюсь-с! Я хочу этим побить Толстого! <...> ...Но ничего не надо делать даром»* (с. 42). Это знание иного рода, чем знание слухов и сплетен, однако подобное механическое запоминание текста с целью извлечения выгоды опять отсылает к рассудочности, в которой «здравый смысл» и «выгода» часто взаимозаменяемы. Валериан не питает возвышенных чувств ни к одной из своих любовниц – им движет только рассудок и греховное плотское начало.

Гостья очевидно испытывает к Валериану некоторые чувства, но они неуместны (*«она уже дождала до тех лет, когда можно отказаться от игры в чувства»* (с. 3)) и даже отвратительны: *«Искаженное лицо женщины озарилось румянцем чувственного экстаза... По ее щекам текли крупные, истерические слезы, и ее глаза померкли, а губы и нос покраснели и выпятились, и все лицо стало напоминать вытянутую морду ошалевшей от страсти собаки. Она догадалась, что она гадка, и закрылась вуалем»* (с. 40). Эти уничижительные описания воссоздают не любовь, а порочную и пошлую страсть – понятие, соотносящееся со сферой души, однако противоположное чистой положительной душевности (см. в «Толковом словаре живого великорусского языка»: «Страсть, **душевный** порыв к чему, нравственная жажда, жаданье, алчба, безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотенье. <...> Страсти человека... отделены от разумного начала, подчинены ему, но вечно с ним враждуют и никакой меры не знают» [Даль, 1991, т. 3, с. 256]). Вместе с тем любовная страсть соотносится с плотским, низшим телесным проявлением⁶. Именно негативная телесность объединяет образы гостьи и Валериана.

Необходимо отметить, что художественно-антропологическая категория телесности воплощается в «Зимнем дне» не только в варианте плотского греха, но и в активных благих деяниях Федоры и Лидии – исцелении, труде и помощи ближнему. В случае Лидии особенно показателен эпизод с лечением мужика: *«руки даны... для того, чтобы они служили людям на пользу»*, – утверждает девушка (с. 31). Положительная телесность, объединяясь с душевностью, воплощает созидательное начало личности.

В системе персонажей дядя Лидии и брат хозяйки Захар Семёныч, скорее, занимает промежуточное положение между персонажами «тьмы» и «света», со всеми присущими им различиями в сфере рассудочного или душевного знания, отрицательной или положительной телесности. Генерал боготворит Лидию и ее труд (с. 29, 31), называя ее ангелом. Захар тонко чувствует душевную силу племянницы. Он лишен рассудочности: на просьбу поделиться подробностями житья его дочери и ее престарелого мужа он отвечает: *«Я ничего не знаю»* (с. 28),

⁶ Как известно, рассказ «Зимний день» явился актом литературной полемики с идеями, выраженными в романе П. Д. Боборыкина «Перевал». Обобщая суть возражений Лескова, А. А. Федотова выделяет в «Зимнем дне» два ведущих мотива: «мотив “живой” жизни и мотив разумного контроля человека над своим животным началом» [Федотова, 2011, с. 151], и таким образом делит персонажную систему на две группы в зависимости от того, какой из этих мотивов репрезентируется в том или ином образе.

а о кухне Олимпии, известной в свете фигуре, он невысокого мнения (там же). Захар Семёныч не интересуется сплетнями и слухами, отграничиваясь таким образом от «общества» и мира рассудка в целом. В прошлом Захар совершал проступки, но ему присуще чувство вины (с. 35). Все это позволяет нам сделать вывод, что в аспекте души этот персонаж характеризуется положительно, что сближает его с образом Лидии.

Однако между данными персонажами существует принципиальное различие: это наличие и отсутствие созидательного компонента личности. Захар Семёныч сосредоточен на своей личности. Он заслоняется от разрушительного действия общества посредством «личины» балагура, но активно-созидательное начало ему чуждо: он не привносит в мир добра, не развернут к нему «душой». Иначе выглядит Лидия, придерживающаяся философии деятельного добра (с. 20). Автор убежден, что только наличие демиургического начала делает человека необыкновенным, а жизнь его – подвигом. Созидательно-преобразующим началом обладает, наряду с Лидией, Федора. Эти персонажи олицетворяют собой «свет» в «темноте» «Зимнего дня».

Итак, персонажная система рассказа Н. С. Лескова «Зимний день» подчиняется следующей художественно-антропологической логике: важнейшее место в структуре персонажей отведено понятиям души, ума или рассудка. Рассудок доминирует в структуре образов Валериана и хозяйки, а в персональной организации гостыи он уступает место страсти, как негативной экспрессии души, и связанной с ней плоти, отрицательной телесности. Рассудочность негативно характеризует персонаж, отрицая в нем наличие в той или иной степени ума, духа и души. Важнейшей для Н. С. Лескова оказывается универсалия души в сочетании с творчески-созидательным началом личности – именно эти компоненты формируют «свет» личности, преобразующий темный пошлый обывательский мир.

Список литературы

- Бессонов Б. Н. История и философия науки. М., 2010.
- Видуэцкая И. П. Толстой и Лесков. Нравственно-философские искания (1880–1890-е годы) // Толстой и литература народов СССР. Ереван, 1978. С. 145–161.
- Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. М., 1988.
- Гунн Г. Очарованная Русь. М., 1990.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1991.
- Коньшев Е. М. Тема «праведника» в творчестве А. И. Левитова и Н. С. Лескова // Творчество Н. С. Лескова. Курск, 1988. С. 125–128.
- Курляндская Г. Б. Литературная срединная Россия: (Тургенев, Фет, Лесков, Бунин, Леонид Андреев). Орел, 1996.
- Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 12. М., 1989.
- Непомнящих Н. А. Мотив прозрения в «Пугале» Н. С. Лескова // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск: Наука, 2008. С. 420–428.
- Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966.
- Синякова Л. Н. Философская этика Л. Н. Толстого в художественно-антропологической динамике повести «Два гусара» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 2. С. 170–177.
- Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999.
- Тюхова Е. В. О психологизме Н. С. Лескова. Саратов, 1993.
- Федотова А. А. Литературная полемика Н. С. Лескова и П. Д. Боборыкина (на материале повести Н. С. Лескова «Зимний день» и романа П. Д. Боборыкина).

на «Перевал») // Лесковиана. Документальное наследие Н. С. Лескова: текстология и поэтика. М., 2011. С. 150–152.

Хализев В. Е., Майорова О. Е. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М., 1983.

De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden; Boston, 2008.

M. V. Gess

**The characters system of N. Leskov's short story «The Winter Day»:
literary anthropological aspect**

The subject matter of the paper is the literary anthropological structure of the characters' images in Nikolai Leskov's story «The Winter Day». The literary anthropological concepts of judgment, intellect and soul organize the system of the story characters, dividing them into two opposing groups. Connected with the three mentioned concepts are the ideas of knowledge-ignorance and clear vision-blindness, which are revealed in the motif structure of the story. The main literary anthropological personage parameter in Leskov's story is the soul, therefore the concepts of kindness, compassion, neighbourly charity and commonweal devotion, which are connected with the soul, assume significance. The author believes that the realization of the character's soul becomes possible under the two conditions: firstly, the creative, demiurgic abilities of the human being, and secondly, focusing of the soul's intentions outside, on the world around in order to make it better.

Keywords: literary anthropology, system of characters, man's image, «righteous man».